

Лиза Лосева

Правый берег
ЕГОРА
ЛИСИЦЫ

Ретро-детектив Лизы Лосевой

Лиза Лосева

Правый берег Егора Лисицы

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лосева Л.

Правый берег Егора Лисицы / Л. Лосева — «Эксмо»,
2022 — (Ретро-детектив Лизы Лосевой)

ISBN 978-5-04-169838-6

Начало НЭПа. На пути из Таганрога сгорел и почти полностью затонул пассажирский пароход. Егор Лисица – сотрудник новой советской милиции – в качестве судебного врача занят опознанием тел погибших. Однако среди них не удастся найти тело чиновника из Стройтреста и его жены. Их имена есть в списке пассажиров, но ни среди мертвых, ни среди живых нет их самих. Чуть позже чиновника находят в городской больнице. От удара по голове и долгих часов в холодной воде он потерял память. Где его жена, он не знает, да и ее саму не помнит...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169838-6

© Лосева Л., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

НЭП. 20-е. Начало	6
В Дон-УГРО	14
Лекция агитпросвет	19
Подвал	22
Совещание-летучка	26
Город	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лиза Лосева
Правый берег Егора Лисицы

© Лосева Л., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

НЭП. 20-е. Начало

На исходе сырой осени первых лет НЭПа на подходе к ростовскому порту сгорел пассажирский пароход «Советская республика», бывший «Цесаревич», бравший на борт больше сотни пассажиров. Последствия этот пожар имел самые разные, большей частью совсем неожиданные. Такие, как наградной револьвер системы Нагана, который достался сотруднику Донской народной милиции не в награду, а скорее по случаю.

Платон¹ считал, что память подобна воску, на котором отпечатываются все предметы. Забывание же похоже на стирание отпечатков. Он был не прав. Те осенние дни в Ростове я помню лучше, чем случившееся вчера. Разве нет памяти о прежнем? Остановись, подними голову и увидишь на стене рекламный проспект, где изображен не самый новый носовой платок, а на нем навязанные узлы – для памятности. По ширине плаката идут большие кричащие буквы: не забыть! Не забыть! Рисованный этот платок с узлами – популярная в бывшей империи реклама. А кричит она, убеждая покупателя, что «гильзы Катька» для папирос лучшие в мире и необходимо непременно их сразу же приобрести. Не забыть! Итак, завяжи на платке узелок, вот и вспомнишь нужное.

Остановимся. Вспомним. Что же нужно? Самое первое?

*На бой,
На грозный бой*

Пожалуй, в начало картины поставим колонну, которая выходит из-за поворота Красноармейской улицы, бывшей Скобелевской. Сотни голосов гремят, выводят единый ритм, шаг в шаг. Ростовский шальной ветер рвет из рук демонстрантов транспаранты, сминает буквы, плакаты качаются над толпой, держась энергией и силой не рук – голосов.

*На бой
Вставай, народ-титан!*

Дождь давно кончился, но небо морщится, раздумывая, не пролиться ли снова. Осень на юге поздняя, не слишком холодная, но с непременными ливнями, черной густой грязью, плотными туманами по утрам. В полинялом небе черные кресты кричащих галок. Ранние прохожие – кто со свертком, кто с портфелем, кто без особого дела – любопытствуют в сторону колонны демонстрантов, толпятся на тротуаре. Среди них один уж очень бойкий гражданин пристраивается к сверткам, присматривается к портфелям. Руки он, впрочем, держит в карманах военной куртки явно с чужого плеча. Одет не по погоде, нелепо даже по нынешним удивительным временам, а на ногах и вовсе истоптанные парусиновые тапочки. Заметив, что я смотрю на него, бойкий гражданин отворачивает лицо, пряча его под козырьком дражной фуражки-капитанки. Это определенно жулик, гольчик или мазурик – молодой вор. Самый незначительный тип, обычно презираемый среди карманников, таскает из корзин мелочи, провизию, сыпучий товар. Вполне определенно можно сказать, что бойкий гражданин из шпаны, которая дежурит неподалеку.

*Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой!..*

---

¹ Платон, афинский философ, основатель школы мысли.

Под широкой аркой двора табачной фабрики, бывшей Асмолова, шагают демонстранты. Мимо меня и прохожих на тротуаре плывут выведенные белой краской слова «Выше знамена мировой революции!».

На бой, на бой!..

На «бой» шагающие приналегают и выходит протяжно. Демонстрация широкая, во всю улицу. Прохожие расступаются, пропуская колонну, жмутся к стене фабрики. Шагнув в ногу со всеми, я, кажется, ступил в хорошую лужу. Но времени зайти домой переодеться и хотя бы выпить чаю уже нет.

На бой, на бой!..

Я так устал, что на минуту прислоняюсь к теплой кирпичной стене. От нее тянет резаным табачным листом. Фабрика снова работает. Отсюда началась большая стачка рабочих. Ходила об этом частушка. Асмоловские девушки просили пятака. Асмолов рассердился, послал казака, было дело. Фабрика, само собой, национализирована. Слова песен сейчас другие. Новая власть здесь, на юге, больше не новая, а окончательная.

На бой, на бой!..

Завяжи еще один узелок, чтобы не забыть. Март тысяча девятьсот семнадцатого. Император Николай Второй подписал отречение от престола за себя и за сына. Создано Временное правительство, во главе встала партия кадетов. Распущена полиция и жандармы, объявлена всеобщая амнистия. По Лубянской площади в Москве запели, засвистели пули. Юнкера защищают Кремль. Почтамт и телеграф в руках большевиков. Часы на Спасской встали, на циферблате на месте римской двойки – дыра от снаряда. Двойка – первое число, означающее единство, она символизирует грех, отклонение от изначального блага.

Ударило красное кресало, горит, разжигая пламя пожара из искр. В Петрограде вооруженное восстание, взят Зимний дворец. Временное правительство арестовано. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа объявила Республику Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Частная собственность на землю отменена, банки национализированы. Декларация пропечатана в газете «Правда», и снова акцент на двойке – выпуск № 2. Газету читают прямо на улице, и еще только скомкана она, еще только торговка сворачивает из нее фунтик под подсолнухи для солдата, как уже ясно, что бои и баррикады на улицах, стрельба, бессонные темные гулкие ночи, смерти и страхи отпечатанным документом не кончатся. Смутное время.

В Самаре сформирован Комуч² из эсеров, объявивший себя единственной законной властью. В Москве и Петрограде – Союз возрождения России, набирает силу казаческое антибольшевистское движение на Дону и Кубани, на юге вступают в Добровольческую армию.

Еще узелок. Июль 18-го года. По сообщению московской газеты «Жизнь», красноармейцами убит отправленный куда-то из Екатеринбурга бывший царь, а ныне простой гражданин Николай Романов. О судьбе царской семьи сведений нет. На улицах кто плачет, кто припустит «Крышка» и «эх, брат Романов, доплясался», а кто горячится «не нужно верить слухам». Напрасно спорит. Слух верный.

---

² 1 Комитет членов Учредительного собрания.

Кричат агитплакаты: «Одна рука, чтобы молот бил, другая – белых бить!» Республика освобождается от «классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях. Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Красный террор, белый террор. А есть еще и зеленые? А об отрядах анархиста Махно на Украине слышали? Или они зеленые и есть? Германия оккупировала Украину. Англия, Франция и США высадились в Мурманске, Япония разместила войска на Дальнем Востоке. Метет, метет по всей земле. Пулеметная пурга Гражданской лепит, заносит города, села. Между рядами один и тот же глас: кто не за нас – тот против нас! А тому, кто не белого, не красного, не зеленого цвета – куда деваться? Пожалуй, что и некуда. Вот разве в тифозный барак. Вошь и смерть – друзья-приятели. Смерть тут рядом – в кармане и на аркане. Умерших от сыпняка свозят в цеха заводов, складывают поленницей. Не хватает врачей и лекарств. Холодно и темно в Москве, в Петрограде. А если свет в окне – это нехорошо. Особенно если горит всю ночь. Свет – значит обыск. Новый, 1920 год встречают призывом «напрячь все силы по очистке ж. д. путей», снежные заносы приостановили подвоз к Москве хлеба и топлива. И – побежали на юг. Примадонны, генералы, миллионеры, жулики и князья. Бродобрей при гостинице помадит усы белым и красным боевым командирам, без разбора. А как разберешься в них, когда целыми корпусами переходят войска с одной стороны на другую? Звенит ростовский трамвай. Красный ты или белый, а ехать всем нужно. Кондуктор не берет ни деникинских, ни других денег – нет смысла, власть меняется, как погода. Афишные тумбы говорят заголовками газет:

«Закупки хлеба и сахара за границей».

«Финансовая катастрофа в Германии, Берлин волнуется».

Красная – до неба – пыль. Отступление, эвакуация из Крыма. Корабли, груженные страхами, ушли, увезли тех, кто рушащееся оплакивал, – помещиков, офицеров, мещаночек и дворян. В новой стране нет сословий. Все теперь товарищи по новой судьбе. Мир старый сгорел. В дыму и пламени родился новый. Химическим карандашом аккуратно отметим на карте свежее, с иголочки название – РСФСР. Мирный договор между Советской Россией и Финляндией нарисовал государственную границу между странами, теперь эта земля чужая. Вычеркнем территории Польши. Как-то там теперь варшавский сыск и знаменитые вору? Впрочем, последние, думается, не горюют. Независимы Латвия и Эстония. Обрисуем иначе, чуть убавим, чуть прибавим и вот уж окончательно на карте – СССР. Первое социалистическое государство планеты.

В ознаменование великого переворота, преобразившего Россию, Совет Народных Комиссаров постановляет: памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц. В армянском городе Нахичевани скovyривают с постамента бронзовую Екатерину. Народ смотрит, но помогать не спешит. Памятника больше нет. Куда-то пойдет фигура? Переплавят на сковороды.

Обыватель за политикой не успевает. Бросили бы стрелять друг в друга и хорошо. Однако и это пока не сбывается. Гражданская вроде кончилась, но когда вздохнуть, когда осмотреться? Декреты, бандиты, уплотнения. Железными зубами время грызет человека. Со вздохом припоминает новый советский служащий споры на даче о политике, о реформах, о постройке нового мира. Ну да что вздыхать? Мир строится. Дача сгорела, а может, взята под нужды молодого государства. В бывшей столовой идет диспут рабочих со «Смычки» о международном положении. Дачный собеседник, если уцелел, в Константинополе или в Париже – служит «дансэр де ля мэзон»³ пожилым американкам. Революция и на Страстном монастыре начертила: «Не

³ Партнер для танцев.

трудящийся не ест». Нужно добывать службу, паек. Старые газетные новости ободрали, заклеили свежими.

Определенно и окончательно ясно – никакой империи больше нет. Не существует и этой бывшей части ее – области Войска Донского. Упразднена. Вместо этого теперь Донская область, с центром в Ростове. Пала империя, подмяв под себя чины, и сословия, и даже грамматику – отменив «яти». Но что яти? Улица говорит другим языком – по-деловому, без сантиментов. Кричит лозунгами, поет протяжно, шагает, чеканя шаг... Не дремлет враг! Новое время спрессовывает, сплевывает слова. Бывает, что гражданин-товарищ некоторое время стоит у вывески, морщит лоб, пытается разгадать, что это за учреждение. Исполком, Рабсила, Комбед. Сохнет свежая краска на вывеске бывшей «Часовой торговли Майзеля», теперь там три буквы – ЕПО. Бедняга шевелит губами в усилии, читает подсказку мелким шрифтом: ЕПО. Единое потребительское общество. Вот оно что! Стало быть, как раньше – торговля? Как раньше, да не так. И часы в магазине, бывшем коммерсанта Майзеля, как будто стучат скорее. Сбиваются с темпа «лисьего шага» фокстрота – четыре такта та-та-та – на революционную речовку. Неразбериха. Однако сам коммерсант еще здесь, только вывеску сменил. Стережется бандитов, ругает большевиков вполголоса, надеется на лучшее – НЭП. Еще одно сокращение – новая экономическая политика. У двери магазина, из которой торчит голова приказчика, а по-новому торгового служащего, ветер кружит крошечный серый смерч. Пыль, пыль повсюду, беда этого города в степи. Колонна демонстрантов попирает пыльные смерчи. Картузы, платки, несколько чудом сохранившихся гимназических фуражек, без гербов, с рваным околышем. Девушки с астрами в руках, с лицами с полотен итальянцев – одухотворенные, нежные, тонкие голоса в общем хоре.

*Не утрашит нас бой суровый,
Нарушив ваш кровавый пир...
На бой, на бой!..*

Красноармейцы несут лопаты. Летят листовки – призыв выходить на субботники. Они часты, город все еще смотрит дырами, черными горелыми окнами. Мимо меня, прохожих и старух, торгующих на тротуаре чесноком, тыквенными семечками и халвой в бумажках, пролетают слова лозунга, прицепленного к борту «Форда»: «Да здравствует освобожденный труд». Улицу заволочло бензиновой вонью. Прямо на меня смотрит пустыми глазницами свиная голова, воздетая на палку, – эксцентрический протест против мирового голода. Старухи широко крестятся, мелко плюют на тротуар. Единым шагом колонна сворачивает за угол длинного дома в конце улицы. За демонстрантами с криками бегут мальчишки.

Торговки оживляются, тянут вперед свой товар. Подозрительно бойкий гражданин вертит в пальцах медную гирьку – приметное движение, ловкие пальцы. Явно способен построить карьеру! Есть задатки вырасти в профессионала не хуже известного вора Полонского, умеющего вынуть брегет из чужого кармана только затем, чтобы узнать, который час. Бич нового общества, беспризорники, здесь прут со страшной силой, как бурьян. Едут на юг, цепляясь к вагонам, на крышах. Тепло, можно спать на улице, в садах спеют местные абрикосы – жердела, вишни. Родителей убили или пропали в Гражданскую... Беспризорников собирают в школы-коммуны, на деле нечто вроде исправительной тюрьмы. Мы держим шефство над такой школой. Толку не много. Бывает, даем шефский концерт, а на другой день милиционеры ловят наших зрителей на улице. Может, и этот тоже из... подшефных.

Звон, грохот. К Дону проносится пожарная команда, за ней карета с крестом от бывшей Еврейской больницы. Прохожие передают слухи: в порту пожар! Горят склады. Тут наперерез другой слухок – баржа с грузом загорелась прямо на воде. Солидный гражданин, засмотрев-

шись, роняет на землю портсигар. Оступившись, неловко толкает бойкого. Тот теснит прохожего, цыкает зубом.

– Эй, дядя! – оглядывается и смеется. – Ты на пузо-то налог платишь?

Запел и завертелся:

– У буржуев тьма тревог,
На сердце – обуза,
Говорят, введут налог
На большие пуза!

Протяжно свистит и продолжает напирать.

– За пузом-то тебе земли не видно. Смотри, как идешь. Форс-штиблеты мои не мызни, – легонько подталкивает ротозея в спину.

Портсигар на тротуаре, весело ловит солнце, раззявив блестящий рот. Налетевшие беспризорники хватают рассыпавшиеся папиросы. Быстро, как пожар в порту, разгорается ростовский уличный скандал. Старухи приподнимаются с мест, не бросая из виду товар. И тут же по ушам бьет женский крик:

– Толкнул! И те набежали. А он хватать масло и бегом!

Какая-то тетка рыдает с подвоем:

– Сверток! Кулек мой! Там все! Масло, масло!

Тетку усадили на стул старухи с халвой, сидит, широко расставив ноги. Мотает головой, как водовозная усталая лошадь. Крики – туда побежал, милиция!

Я проталкиваюсь за бойким, догоняя демонстрантов, путаясь в их спинах. Фуражка-капитанка мелькает впереди, сворачивает в подворотню. Пятно света в кирпичной арке, поворот, двор. На центральных улицах особняки выстроены так, что проходными дворами можно пройти несколько кварталов. Двор увешан пестрым бельем, я продираюсь сквозь него, как через лес. Мешают низко висящие веревки. Из подвала выскочила собака, зашлась истерическим лаем. За широкой простыней угадываю силуэт, ловлю чужую руку. Вор на деле совсем мальчишка! Чуть ослабляю хватку, он дернулся и – рванул, верткий, как уж. Лабиринт ростовских внутренних дворов, одна подворотня, вторая. Минотавр завоет в этой путанице летних кухонь, сараев, ледников, конюшен и лестниц! Очередной двор, на земле бумажный ком! Бросил сверток? Тянусь поднять, но успеваю заметить, как в лицо летит осколок кирпича. На секунду я оглушен. Хватаю наугад, мне везет – молодой Люпен⁴ у меня в руках. Осколок распорол кожу, но крови немного, царапина. Пока мы с ним тащимся через все подворотни обратно – он крутится и лягается.

– Пусти, дядя!

– Чего тебе бояться? Устроят в интернат. Хоть отъешься!

Мальчишка костлявый, верткий. Но слова дают обратный эффект. Уперся как осел.

– Лучше смерть! – крестится и машет свободной рукой. – В интернате бабские панталоны заставят носить. За ихову пустую марцовку такая обида?! Пусти, дядя!

Бабские панталоны, которые якобы выдают в приемнике, байка-пугалка для всех беспризорных, хотя действительно – горисполком реквизировал где-то дамское белье и выделил излишки интернатам.

Завыл – не пойду, пусти! Размазал слезы на грязном носу. Пробовал и кусаться. Пока мы таким манером дотащились обратно, пострадавшая тетка исчезла, как я ни искал. Улица занята своими делами. Черт его знает, что с мальчишкой делать.

---

⁴ Арсён Люпён – «джентльмен-грабитель», главный герой романов писателя Мориса Леблана.

– Ты вот что, слухи эти глупые. В интернате тебе дадут поесть, выучишься полезному делу, профессии.

Ухмылка в ответ.

– Не той, которая есть у тебя, а настоящей.

– Дядя, ты болвашка⁵, что ли?

Он заныл что-то еще, но я его не слушал. Трамвая нет. Куда тащить моего Гавроша, непонятно. В приемник? Оттуда он, конечно, сбежит. Мальчишка опять зашмыгал носом. Проклиная свою непедagogичность, я снова чуть ослабил руку, выпустил локоть, и он тут же рванул в ближайшую арку проходного двора. Я поздно догадался сунуть ему это не нужное никому масло. Тяжелая бутылка норовила вылезти из рук, скользкая, как этот жулик. Очень кстати – не торопясь, но отчаянно звеня, подкатил трамвай и повезло – я уцепился на площадке. Висящие рядом, как спелые виноградины на грозди, пассажиры с пониманием потеснились. Соскочив на остановке у бывших меблированных комнат Песецкой, я наткнулся на канцелярский стол – устраивалось общежитие для молодежи. Интересная брюнетка в мужской блузе попросила прикурить папиросу. Засмотревшись, я замешкался, даже похлопал по карману в поисках спичек. Проклятая бутылка с маслом полезла из-под руки, брюнетка рассмеялась и отвернулась. Обгоняя тележку татарина с хлебом, я ускорил шаг у дома врача-отравителя Португалова, который, по слухам, угощал пациентов мышьяком. На тумбе мелькнула афиша новой фильма – боевика. Но рассмотреть некогда. Не останавливаясь почти бегу мимо массивного куба Соборной мечети (тусклая бирюза, одинокий минарет) по Скобелевской. Где-то здесь при старой власти в другой стране удирал по крышам знаменитый ростовский вор по кличке Черт. Говорили, он выдумал явиться на бал-маскарад к, шутка ли, городскому чиновнику. Прделано было дерзко, сам полицмейстер остался без часов с брелоком (тяжелые золотые слоники, массивная цепь), а пристав 4-го участка лишился пальто и хорошей шапки. Это вам не масло тягать! Хотя что сам Черт против новых бандитов? Младенец, рисовщик. Пожалуй, и лихие гастролеры из Варшавы, о которых обыватели в Ростове еще пару лет назад говорили с ужасом и невольным уважением, потеснились, стали прошлым. Дурная слава Ростова как города виртуозных мошенников и воров в последние годы сменилась на худшую.

Ростов... Что это за город такой? Сорняк на теле бывшей империи, пробившийся сквозь жесткую землю степи и расцветший великолепно. Начавшись с таможни, пристани и гарнизонной тюрьмы с карантинном, город протянул вдоль Дона корпуса мельниц и фабрик. Поднял краснокирпичные стены водочного и пивоваренного заводов, запустил чугунолитейное производство. Молодой уездный город, растущий не по указке властей, а по резонам выгоды и торговли, быстро опередил губернские. «Улиц нью-йоркская прямота», – сказано о нем. Ростов часто сравнивали с городами в северных штатах Америки. Сначала из-за деловой хватки ростовцев⁶, сейчас еще и благодаря криминальной славе. Собранный из приезжих, город похож на американца и портретом – его строили, расчерчивая по принципу двух улиц: «На север с юга идут авеню, на запад с востока стриты».

Провели водопровод, телефонную линию, осветили улицы электричеством. Вместо конки – трамвай, все чаще лошади пугаются треска авто. А ведь еще недавно граница между Османской империей и Россией проходила по местной речке Темернику и те места, где сейчас стоят хатки и бараки, составляющие знаменитую Бессовестную слободку, были частью чужой империи. Кстати, жители этой самой слободки и по сию пору именуют себя турецкими выходцами, хотя Турции в жизни не видали.

---

⁵ Милиционер.

⁶ До революции и долгое время после нее жителей Ростова-на-Дону называли именно так.

Город-рисовщик, город-щеголь, Ростов необычайно выгодно построен, здесь в плоской степи сошлись пять дорог, почтовых трактов: Одесский, Харьковский, Кавказский, Бахмутский и Черноморский. Потом дороги оделись железом – рельсы соединили Ростов с бывшей империей со стороны Харькова, Таганрога и Воронежа. А уж когда пустили Ростово-Владикавказскую чугунку, город укрепился как один из крупнейших железнодорожных узлов. Прибавим порт и таможню и получим магнит для любого бизнеса и мошенников. Как перекасти-поле прибывало в Ростов самый разный народ. Тот был предприимчив, смел, не слишком отягощен предрассудками или моралью – как все конкистадоры. Богатели быстро. Споры возводили особняки, заводы и рестораны. Открывали клубы и магазины. Бордели и игорные дома. Строили город азартно, так же как играли в карты и на бегах, на спор, кто выше. Мелкие коммерсанты, бывало, задирая головы на многоэтажные доходные дома, в азарте яростно спорили – эх, перебьем! И перебивали. Местный миллионер и судовладелец Парамонов начинал торговлю со станичной лавчонки. А дом и шестиэтажную мельницу, как говорили, выиграл в покер. Больше за карточный стол не садился из боязни спугнуть удачу и стал «хлебным королем». Отправлял баржи с мукой в Италию и Турцию. Коммерсанты Ростова не смущались теснить Ригу, Харьков и Москву. Да что там, фабрики в тех же американских штатах заказывали продукцию местных шерстяных фирм, доверяя качеству настолько, что не требовали образцы шерсти.

Греки, итальянцы, турки, русские – все уживались в городе, соблюдая главную и негласную договоренность: торгуй и дай торговать другим. Православные, раскольники, иудеи и магометяне – договаривались о сделках, не вмешивая веру. Быстро нажитые деньги требовали символической доли – вот и делились. Купец Яшин подарил городу свой парк, после из него вышел Городской сад. Миллионщик Троянkin завещал городу состояние. Однако ростовец не был бы им, если бы и на благотворительных начинаниях не поискал бы, что там можно «взять». Город-делец.

Ростов с «его тысячелюкою толпою» делился не по чинам и сословиям, как было принято в бывшей империи, а проще – на богатых и бедных. Предприимчивая физиономия и энергичная, быстрая походка ростовцев смущает жителей других городов, рождает тревожность. Ростовец не гуляет «за просто так», он идет по делу, даже если то маячит пока только в воображении. Но оно есть, оно подталкивает поторопиться. Даже дамы шагают уверенно, быстро. Именно местные барышни быстрее прочих эмансипировались – когда Первая мировая, а за ней и Гражданская, укоротили волосы и подолы. Здесь все делают быстро и говорят громко. Речь тоже звучит иначе, с выразительным говорком. Это город, не чинящийся и никому не спускающий резкого слова. Может быть, именно этим характером, не замирающей здесь и вечерами жизнью, скоростью речи можно объяснить ту сверхъестественную быстроту, с которой вспыхивают уличные беспорядки?

На ростовских улицах не зевай! Здесь ротозеев страсть как любят. Каждый город славен своими жуликами и душегубами. В Петербурге по-крупному работали аферисты. Москва известна громкими убийствами. А на юге, в Одессе и Ростове, под жарким солнцем, где хорошо родили синенькие и помидоры и бойко шла всякая торговля – процветали шулера, спекулянты и воры. Прославился Ростов фальшивомонетчиками, виртуозными делателями поддельных векселей, контрабандистами, ширмачами, самогонщиками, работой Соньки Золотой Ручки и международной гастролью варшавских воров, после которой «сейф необычайной надежности» в бронированном хранилище местного банка выпотрошили, как рыбу.

Бессчетное количество народу прибывало на заработки и уезжало по торговым делам. Заработать можно было в порту, на ссыпке хлеба. На табачных фабриках Кушнарева и Асмолова платили немного, 4 рубля, а женщинам-работницам и того меньше. Но настолько живо шло это движение, что даже полицейское управление, не имея возможности твердо определить численность населения, справлялось лишь о рождаемости и смертности. Армия приезжих, бывало, ковала из простых рабочих новых мещан, а иногда и торговцев, сумевших уже

так сколотить капитал, что мрамор для особняков везли из Италии. Большею же частью из этой армии верстались солдаты иного рода. В поиске более легкого заработка «босая команда» пополняла ряды воров. Как опухоль рос другой Ростов, со своими порядками. Его вотчиной были окраины и слободки. Селились там самовольно самостроем, в землянках и хибарах, из подручного материала сооружая хатки-мазанки и сараи. Та самая Бессовестная слободка заселялась беспорядочно без всяких разрешений. Как и Олимпиадовка – собственность офицерской жены Олимпиады Гурьевой. У той землю выкупил купец Панченко и продал участки рабочим и перекупщикам. Жили здесь скученно, тесно, купец свои участки нарезал не щедро. Горячий Край, Собачий хутор, Грабиловка, Нахаловка... Вместо «здрасте» тут могли поприветствовать «ростовским кистенем» – гирей на цепочке.

На Богатынровке обитала «придонная аристократия». Сводни, «блатер-каины» – скупщики краденого и им подобные, причисляющие себя к воровской верхушке. Станным образом район этот был одним из самых спокойных в городе, несмотря на занятия жителей. Тут были устроены несколько совсем приличных заведений – Еврейская больница, коммерческое училище. И здесь же стояла Мазовая академия, она же «дядина дача» – попросту тюрьма. Объяснялся парадокс просто. Ростовские мазурики жили по принципу британских джентльменов: мой дом – моя крепость. И придирчиво охраняли порядок, в своем понимании.

До семнадцатого года висело в Центральной почтово-телеграфной конторе такое объявление: «Просим публику остерегаться воров». Вздумай кто сейчас вывесить такое – его бы подняли на смех. После Гражданской большая часть ростовских блатных подалась в бандитские шайки. Первыми днями налеты шли под лозунгами «Грабь награбленное», а потом так – без политики, без громких слов, по-простому. Новая поросль вербуетя вот теперь уже и из таких беспризорников, как мой недолгий знакомый. Многие, растерявшись, ищут случая прибиться к какой-нибудь силе.

В начале НЭПа в городе и окрестностях орудовали несколько десятков банд. Вблизи крупных железнодорожных станций сезонных рабочих караулили «собачники». Жертву зазывали в кабаки, угощали водкой со снотворным – «собачкой». Душили и обирали до нитки. В высокой траве легко скроется человек на лошади, от любой погони уходили бандиты, прозванные степными дьяволами. После небывалого жестокого нападения на «болгарские огороды» 1-й Балтийской трудовой артели сладкий перец на местном базаре долго называли не иначе как кровавым. Убиты и изувечены были восемнадцать рабочих артели. По числу преступлений Ростов в те годы уступал только Киеву. Бандиты с кличками на манер средневековых королей – такие как Ванька Медный, были отлично вооружены. И организованы гораздо лучше, чем милиция. По городу, как булочные, натканы явочные квартиры. Информацию банды получали от «красных шапок» – рассыльных, таких держат владельцы дорогих магазинов. Ситуация обострилась настолько, что в ноябре 1920 года был издан приказ: «В интересах скорейшего искоренения бандитизма как в городе Ростове-Нахичевани, так и округах – всех бандитов, которые пытаются совершить побег и скрыться, расстреливать на месте».

Вот так и выходит, что бандиты у нас новые. Уличные указатели тоже. Старые сохранились еще кое-где на домах – но улица уже Красноармейская. Упирается в Таганрогский проспект, тот чувствует новые ветра, которые дунут, приналягут, снесут и дадут ему новое, революционное большевистское имя. «Палас-отель», где стреляли в атамана Рябоконя. Но об этом думать не хочется. Еще дворы, липы, акации – наперерез мне чихающий мотор, и вот наконец длинное двухэтажное учреждение с краткой аббревиатурой по моде времени: Дон-УГРО.

В Дон-УГРО

Прямо при входе в Донской уголовный розыск поехали на меня греческая богиня с довольно мускулистым торсом, амурчик с луком, чьи-то лица в рамках. Тащили снятые картины, лежавшие до этого в одной из пустующих, а теперь освобождаемых комнат – штат рос. Дон-УГРО обжился на новом месте. А 4-й райотдел милиции – самый большой участок в центре, включающий базар. При входе лозунг белыми буквами: «Мы никогда не спим!» Под ним на доске распоряжения и объявления: «Выдача мануфактурных пайков ком. 102». «Неделя ребенка» (вспомнив давешнего мальчишку-вора, я машинально потер ссадину на лбу) и прочее. Отогнут угол коричневого плаката – фигура с жезлом на фоне Большого театра, надпись на плакате утверждает, что это товарищ Троцкий – почетный милиционер. И рядом же от руки выведено крупно:

«Месячник борьбы с уголовным бандитизмом».

Ниже и мельче – привлечение воинских частей, патрулирование.

Идущая мимо женщина-конвойный посмеивается:

– С бандитизмом-то месяца не хватит.

Ниже рядом прицеплен листок из газеты «Трудовой Дон», заметку обвели черным грифелем:

«На Мало-Садовой улице в 8 часов вечера милиционерами завязана перестрелка с десятью неизвестными бандитами».

Тут же физиономия чернявого брюнета и текст «по данным Одесского губрозыска, в наш город выехал известный аферист, кличка Натан Херсонский». Указана и особая примета – золотой зуб.

У доски разговоры:

– Жалко, эх!

Это про перестрелку и погибших милиционеров. И тут же:

– Херсонский-то артист! Ювелирная работа, – читающий объявления тычет желтым от махорки пальцем в нос брюнету на доске. – Одному нэпману пообещал достать шевиот на костюмы феноменально дешево. Тот от жадности согласился. А ему все деньги в пакете заменили на резаную бумагу. И уж, конечно, никакого шевиоту.

– Ну так дешево и вышло, – смешки и реплики в толпе, – считай бесплатно.

– Так этот дурак нэпман до вечера проторчал на улице, все дожидался, когда ж материю ему привезут. Здесь он крик устроил, мол, мало внимания его делу, а тут как раз наших с Мало-Садовой привезли. Не до него, собаки!

– Да уж, шевиота им теперь не надо.

За коридором с объявлениями и плакатами стойка, за ней стол дежурного. Там хохот, гам. За толпящимися мелькает загорелая спина, плечо и ноги как будто абсолютно голого гражданина. Ограбили и раздели? На улицах снимают всё подчистую. В насмешку бывает сунут газетку, чтобы прикрыться. Я подошел. Голый горячился:

– Решительно – да пройдите же – нужно забросить мещанство под сукно!

– А я вам говорю, не стойте у проходе, – дежурный машет перед лицом голого, – в сторону шагайте.

На плече раздетого измызганная лента с надписью: «Долой стыд».

– Что он здесь?

Один из молодых милиционеров кивнул, откровенно усмехаясь:

– Говорит, шо он по убеждениям без порток. Сын, значица, Солнца. По твоей части, товарищ-доктор, вся ж анатомия наружу.

Милиционер крутит головой от смеха.

– Натурально в чем мать родила ехал! На ходу его прямо с трамвая выпихнули, вроде били.

Адам, изгнанный из трамвая, возмущен:

– Нет! Не выпихнули, это искажение! Я сам сошел.

– Подвиньтесь, дайте доктору пройти.

Дежурный, не зная, за что ухватить голого, чтобы отодвинуть, махнул рукой – проходи, и пояснил: – Радикальный нудист, с трамвая ссадили.

Шум вокруг стойки растет. Из-за спин выглядывает кто-то сердитый, торчит рука с пачкой бумаг. Голый неожиданно поворачивается всем корпусом, вызывая несомненный аффект у милиционеров и собравшейся толпы.

– Мы – футуристы жизни – заявляем протест условностям мещанства. Стыд – это предрассудок! Что, кроме наготы, выражает наше общее равенство?

– Антрацит!⁷ – отвечают насмешливо из толпы.

– Не восклицайте, товарищ, – устало увещевает его дежурный. – Документы дайте! И пройдите вон – до лавочки, вбок, в сторонку. Народ собирается – смущаете людей!

– Вот билет, пишите! – худые ноги нервно стучат о край стойки тупыми носами неожиданных в этой ситуации коричневых штиблет. Комсомольский билет возникает из ниоткуда. Кроме ленты и обуви, при нудисте никакого имущества.

– Все пропишем, зафиксируем, – уверяет дежурный, напевая: – Я так застенчив, мадам. Что краснею тра-там... – потирая щеки в многодневной щетине.

– Дайте карандаш, что ли, чернила вышли! – кричит, копаясь в бумагах.

Дежурный, спокойный в любой ситуации, широкоплечий малоросс, напевает всегда. В дело идут новейшие шлягеры или старые романсы – все равно. Голос – дрянь, но слух вполне музыкальный.

Пострадавший голый пристраивается на край лавки. Остальные посетители, уже не обращая внимания на радикального нудиста, негромко переговариваются. И не такое видали. Только задержанный в шапке-финке на затылке и клешах осмотрел, свистнул и длинно матерно выругался. Отдельно от всех, молча сидит старуха в мужском пальто.

– Второй день приходит.

– А что?

– Убили у нее кого-то.

У стола описывают белье. Молодая гражданка, а приглядеться, так, пожалуй, что и барышня – на коленях ридикюль, рука нервно сжимает у горла потрепанный мех – всхлипывая, диктует, милиционер повторяет за ней.

– Простынь камчатая? Покрывало зеленое, шерсть.

– Чистая шерсть, – поддакивает, морща красный носик, потерпевшая.

Ограбили комнату или записалась в гражданском подотделе с женихом, а тот оказался авантюристом, да и ушел наутро с вещами. Разбил, шельма, семейную лодку ради серебряных ложек и шерстяного покрывала – обычное дело.

В конце узкого коридора, заставленного столами, какими-то комодами, распахнуто окно, тянет сырым сквозняком. В коридоре собралась короткая очередь у двери с плакатиком, на нем кратко от руки: «выдача ман. пайков». «Ман» – значит мануфактурных. А выдают суконные шаровары, зверь редкий, даже странно, что очередь такая короткая. Хотя давно уже официально объявлено, что необходимо «выпукло выделять работников милиции из среды прочих граждан», вот и взялись за выпуклость с энтузиазмом – средств не хватает. Некоторые милиционеры все же получили знаки отличия вместо повязки на рукаве. Но форменной одежды никакой в провинции нет, состав милиции почти поголовно ходит в поношенных солдатских

---

⁷ Махорка.

гимнастерках и шинелях, а то и в обычных городских пиджаках, кожанках. Спущена директива о необходимости выдачи сапог, однако случалось, что на засады и задержания выезжали в лаптях или штиблетах на подошве из веревки. Сотрудникам угрозыска форменной одежды и вовсе не положено. На мой вопрос, почему нет ажиотажа, из хвоста очереди меланхолично ответили, что все почти на выездах, был налет на кассу, да еще что-то вроде случилось в порту. Напротив очереди, на подоконнике, конвойные, прислонив винтовки к стене, раскинули карты. Первое время я чувствовал себя здесь как буртук⁸ в реке. Теперь это знакомая, деловитая толчея. Приказ за простеньким номером двадцать два. Вот что запустило работу дежурного, эту суету, рев мотора во дворе, стук пишмашинки. Этим приказом предписывалось создать новые органы правопорядка. Советскую рабоче-крестьянскую милицию. Она у нас – общая для двух городов: Ростова и армянской Нахичевани. Общие и канцелярия, и уголовно-разыскной стол, и постовая команда, и даже служебно-разыскная собака. Города разделены пустырем – межой. До революции управление в них было разное. А вот полиция одна. Теперь, выходит, старый анекдот о том, что у двух таких разных городов едины полиция, тюрьма и бордели, снова звучит свежо. Хотя бордели мы исключаем. Новая власть ведет непримиримую борьбу за искоренение проституции. Желтые билеты, обязательные осмотры и надзор отменены. И сами гуляющие барышни прониклись историческим моментом. Организовалось даже нечто вроде профсоюза с собраниями. «Обсудили, постановили: на время – десять, на ночь – двадцать пять». Власть, однако, не поддержала прогрессивную идею, и мадемуазелям предложили влиться в семью пролетарских рабочих. Красные портьеры пошли на флаги, а барышни – на работы по приучению к общественному труду. Приняли циркуляр «по борьбе с явлением». Но сводничество, как и притоны, совсем придавить не удалось. Пройдись вечером при любой погоде, хоть в самую дрянную осень, обязательно возле пивных или городской бани из подворотни выглядывает фигура в пестрой шляпке. Я, как все медики, циничен, но, бывает, присмотришься и злость берет – жесты и взгляды призывные, а сама почти ребенок. Кутается в шаль, по лицу течет краска и пудра, размокшие под дождем. Вот тебе и циркуляр.

Интересное, нужно сказать, с ними вышло дело. Хотя утверждалось, что бюрократия будет существенно уменьшена уже на первом этапе социалистической революции, а после и вовсе абсолютно исчезнет – произошло обратное. Настало время мандата, время бумаги. Она разрешает, запрещает, дает власть, и самой мелкой мелочи нельзя получить без бумаги. В шатком положении нового мира слова закрепляют явление в действительности. Вот и «рабоче-крестьянская милиция» на бумаге была названа органом борьбы с «неполитической» преступностью. С контрреволюцией и саботажем должно бороться другое ведомство: ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия. Однако к моменту описываемых в этой тетради событий ВЧК упразднили, вместо нее стало ГПУ, и все функции по борьбе с уголовным бандитизмом передали угрозыску. Функции при этом были самые размытые, никто не знал, где они заканчиваются, и поэтому сотрудники уголовного розыска занимались и предварительным следствием по делу, и розыском, и дознанием. Я бы не поручился, что кто-то из нас хорошо понимал тонкости этих перемен. «Вводят в подчинение и выводят из-под туда, шаландаемся», – говорил наш дежурный. И затягивал слова популярной песенки о бедствиях приехавшего в Ростов из Стамбула турка.

– Из финотдела в винотдел, из винотдела в Донатоп, а оттуда в центргроб, вай, лопнет мой турэцкий голова, – пел он, нажимая голосом на э, получалось с удалью.

Но что же такое был уголовный розыск в годы НЭПа на самом деле?

На крыльце сидели пекарь, извозчик, сапожник, портной, кто ты будешь такой? А будешь ты советский милиционер, если повезет, выдадут оружие по табелю и нашивку – звезду. А не

⁸ Дельфин (местный диалект).

повезет, так и говорить нечего. Кадров в милиции не хватает катастрофически. Фабзавкомы⁹ обязаны призывать рабочих служить в милиции, поставили даже выработку по агитации – три процента. Но и эта норма набиралась туго, рабочие в милицию идти не хотели, ведь стреляли здесь много, а платили мало. К тому же местные, ростовцы, к органам правопорядка относились без уважения при всякой власти, просто по традиции. По этим причинам в ростовской милиции много чужаков. Едут сюда охотно – юг, тепло, не так голодно. Ростов, давно привыкший к самым разным лицам и диалектам, принимал всех легко. Как-то устраивались, осматривались и вышло так, что из сотен человек, прошедших через наш 4-й райотдел в первые годы рождения милиции, лишь несколько десятков уроженцев Ростова. Были среди милиционеров и рабочие мастерских, и сапожники, и телеграфисты, и кожевенники, и пекари, и недавние студенты.

Запевала-дежурный у барьера приехал на юг из Смоленска, там холодно и постоянная нехватка продуктов. Тут тепло и милицейская пайка. Дневное довольствие складывалось из хлеба – один фунт, рыбы или мяса – четверть фунта, мыла давали полфунта в месяц, сахара, соли, масла – немного, а круп побольше. Тут я вспомнил о масле, которое все еще таскал с собой! Выдавали и табак – три золотника.

Для всех вновь поступающих в органы милиции в соответствии с очередным циркуляром предъявлялись требования, однако, самые простые. Сотрудник новой советской милиции должен был уметь читать и писать. Знать арабские и римские цифры и правила арифметики. Без запинки ответить, чем отличается советская власть от буржуазии. Но на деле бывало, и этого не знали, может, кроме заученного насчет буржуазии. Вокалист-дежурный был толковый. Не всегда грамотно заполнял бумаги, но умел уговорить любой скандал. Его сменщик – типографский наборщик, наоборот, бумаги заполнял виртуозно, со склонностью к сочинительству. Но такие кадры были редкостью, да и важнее оказывалось другое, к примеру, знать стрелковое оружие, его разборку и сборку. Хотя не все милиционеры готовились на своем посту защищать обывателей. Раньше дроля был мазурик, а теперь коммунист, время было такое, что в милицию с самых первых дней ее создания затесались и бывшие преступники. Потому советской милиции пришлось одним из первых приказов запретить обыски и изъятия вещей без ордеров. Поначалу бывшие жандармы не возвращались на службу. Да и в милиции их не ждали, как объявленных «врагами трудового народа». Однако после приказа Ревкома о том, что бывшим служащим необходимо вернуться на свои рабочие места в народную милицию, понемногу пошли – присяжные поверенные, секретари суда, даже адвокаты. Знаний и опыта у бывших было несравнимо больше. По привычке они строго соблюдали служебную дисциплину, пытались наладить работу канцелярии и архива. Неукоснительно в свежем воротничке, в шляпе с лентой, ходил на службу агент Куц. Он всех подчеркнуто называл на «вы» и избегал обращения «товарищ» абсолютно виртуозно. После нескольких стычек из-за пущенного ему вслед «архаровец» все как-то узнали, что Куц из семьи рабочего, то есть происхождения безукоризненного по нынешним временам. А до революции во время службы в розыске он, раненный в живот и руку, отбил налет банды Водолазкина в вооруженной засаде на Богатыновском.

Таким вот манером в милиции собрался ветхозаветный ковчег на абсолютно новый лад. Вчерашние гимназисты, люди возраста очень почтенного и даже барышни. Гражданки служили конвойными. И все они имели дело с такой публикой, как Ванька Медик, он же Иван Менников, который легко убивал за несколько кусков мыла. Или с бандой Духа, а тот во время налета на квартиру на Казанской вырезал всю семью и выколол жертвам глаза.

В клятве милиционера в первые годы работы новой милиции были такие строчки: «беспоощадно подавлять все выступления против советского правительства... Быть честным, прав-

⁹ Комитеты рабочих на заводах.

дивым, исполнительным и вежливым со всеми – а в особенности с городской и деревенской беднотой. За нарушение пунктов подлежу законной ответственности и высшей мере наказания».

По вечерам деревянные двери бывшей гостиной особняка, где помещалась теперь новая советская милиция, дрожали от голосов хора – советским милиционерам полагалось знать текст «Интернационала». В общем хоре не разобрать слов, но явно слышен единый порыв. В этом вечернем пении было что-то едва ли не религиозное. Запомнился мне один бывший трамвайщик. Он поспорил со мной, убеждая меня, что при постоянной тренировке можно взять какую угодно высокую ноту. Горячась и приглаживая сердито топорщащиеся усы, он рассказывал о своих успехах в любительских спектаклях в Самаре. А наутро так же сердито торчали усы на его мертвом лице, – тело привезли после перестрелки возле склада артели. Бандиты взяли 50 аршин мануфактуры и 200 пачек спичек...

По лестнице мимо меня сбегали, поднимались, окликали и толкались. Наконец я добрался до кабинета в самом конце длинного коридора. Окно в торце выходило в колодец двора. Напротив дверь черной лестницы, усыпанной окурками, как листьями. Не удержавшись, я чуть замешкался перед дверью кабинета и еще раз взглянул на бумажку, пришпиленную кнопкой: «Судмедэксперт тов. Лисица. (Уголовно-разыскной отдел.)»

Лекция агитпросвет

Привычно поднажав, я толкнул вечно застревающую дверь, вошел в кабинет и первым делом увидел на подоконнике ноги младшего милиционера, товарища Репина. Сам он утверждает, что его «революционный псевдоним» Красный, но все зовут его Репой, признаться, и я тоже, хоть и за глаза. На стук двери он спрыгнул и стряхнул грязь от сапог с подоконника, одернул гимнастерку. Репа прошел всю Гражданскую. Самая очевидная и печальная его примета – черная повязка на пустой глазнице слева, лишился глаза в бою под хутором Перевозным. В любую погоду на голове у него дикая мохнатая шапка на манер горской. Высокий, худой, гимнастерка перетянута портупеей. Он весь, от сапог, просящих каши, до макушки своей дикой шапки – мечта о выезде на настоящее дело, облаву. Ожидая меня, он влез на подоконник, чтобы зрячим правым глазом рассмотреть, что за суета во дворе.

– Вот, товарищ доктор, дожидаюсь вас, – расправил бумажку и наклонил голову, чтобы прочесть, – предписано провести лекцию агитпросветбеседу с целью...

Пока товарищ Репин читал, открылась дверь, в комнату сунулась голова, поводила глазами и исчезла. Громче застрекотал мотор во дворе, донеслось ржание милицейской кобылы.

– Выезд готовят, таратайку запрягли. Собаку берут! Зачем она им? Элен Хаус Апольд кличка, слышали? – тоскливо говорит Репин.

В его тоне отчетливо слышен упрек. Собаку Элен Хаус берут, а ему торчать тут, неизвестно за ради чего. А настоящее дело, оно там, уходит.

– А что там? – я наконец избавился от треклятой бутылки с маслом, пристроив ее кое-как среди бумаг на столе.

– В порту стрельба. Вроде бочки с горючкой взорвались. Так идем, что ли, на агитпросвет? Или забыли?

Точно! Такая бумажка мне была. В очередном циркуляре Центрозыска указывались среди прочей работы лекции для сотрудников. И я действительно должен был подготовить «агитпросвет». Но, закрутившись в текучке, я об этом совсем забыл. Вот уже больше года я ассистент на кафедре судебной медицины и эксперт-консультант подотдела создающейся в городе лаборатории. Та пока действует больше на словах и создается по типу отдела при Центрозыске в Москве. Зато новое Положение о правах и обязанностях медицинских экспертов значительно расширило полномочия медиков и криминалистов на предварительном следствии. Медэксперт теперь «является самостоятельным работником». Мне дано право изучать материалы дела, осматривать вещественные доказательства, опрашивать свидетелей и «выяснять все обстоятельства, имеющие значение для экспертного заключения». Весь подотдел, в котором я же и консультант, в общем-то состоит из меня самого. Мне в помощь придан фотограф, товарищ Цырыпкин. Тот утверждает, что его папа (он произносит папá) был французом, но на деле он родом из Харькова. Помощь от Цырыпкина нужно заслужить, как благосклонность девушки. Если нет прямого приказа начальства, то заставить его на месте большая удача. Дело в том, что Цырыпкин почти всегда занят тем, что снимает на улицах прохожих. Для этого он в хорошую погоду выставляет на тротуаре фанеру с наклеенным конем и силуэтами гор. Красоты Кавказа с поправкой на местный вкус нравятся обывателю. Уличная фотография – дело прибыльное, отвлекаться от него Цырыпкин не любит. Однако в работе с розыском тоже видит азарт. И уж если удалось залучить его на место происшествия, то работает он тщательно, добросовестно, громоздится на сарай ради обзора получше.

Пока я собирал кое-что из бумаг, Репин терпеливо ждал. Скрипнула дверь. В комнату заглянул озабоченный Самсон Сидорня и сказал, что народ уже «шумкует немного». Сидорня, еще один из моих помощников и, пожалуй, самый надежный. Бывший швейцар. Его нечасто берут на облавы, выезды. Сидорня был легко контужен при совсем не военных обстоятель-

ствах. Сидел на лестнице, читал, кажется, роман Хаггарда. Стоявший на рейде корабль шарахнул из орудия, его и оглушило взрывной волной.

В коридоре мелькнула спина неуловимого Цырыпкина. Потянуло сквозняком из боковой двери во двор. Мы выглянули – на крыльце курили. Сидорня махнул рукой:

– Товарищи, проходите в зал!

Бросают папиросы, переговариваются. Мрачные.

– Порт, пароход, а может, и склады.

Появились и подробности о пожаре. На выходе из гавани загорелся пароход. Были сведения, что банда готовилась напасть на фельдъегерей госбанка, перевозивших крупную сумму.

Как все собрания и репетиции «Интернационала», лекция проходила в самой большой комнате бывшего особняка. В зале уже собралось прилично народу, головы, кепки, буденовки, косынки. Остались стоять у стен. Грохот – «манлихер свой держи, на ногу упал!» – смешки. На задних рядах раскинули карты. Я остановился – оживились:

– Доктор, сыграй с нами?

– Он такую штуку может, сила!

Картежников поражает довольно простая способность запоминать и считать карты. Я не прекращаю занятия по тренировке памяти. Этот фокус неизменно просят повторить еще раз. Однако в центре комнаты уже поставлен стол, накрытый бордовой скатертью. На нем стопка газет и стакан с водой. Скатерть из бывших, с вензелем, уже успела узнать жизнь – вся в прожженных папиросами дырах, но фасон держит. Я же, напротив, его растерял. Про лекцию я вроде бы помнил поначалу и даже хотел набросать несколько ее пунктов. Но моя аудитория имеет дело с грабежами, убийствами, налетами. И мало толку было бы, реши я рассказать им, к примеру, подробности громкого расследования дела о подлоге векселей баронессы фон дер Ховен. В большинстве случаев с задержанным нет нужды церемониться, применяя техники допроса. А простейший и вернейший способ получить показания – тот, которым не гнушались и в царской полиции, а именно – дать в ухо. Но уже и в Москве понимают, что нужна система. Работа судебного врача и криминалиста на месте происшествия необходима.

– Я попрошу серьезнее!

На пяточке перед рядами стульев старший агент Куц зачитывает директиву из Москвы. Говорит, что задача милиции, с одной стороны, состоит в подавлении классовых врагов, а с другой – в борьбе с преступным элементом, мешающим строительству первого в мире социалистического государства. Директива указывает принять интенсивные меры к ознакомлению с методами регистрации преступников – дактилоскопией и словесным портретом.

– Бандиты специализируются, и мы должны это сделать вслед за ними, – закончил Куц и махнул мне, мол, начинайте.

Начать я решил с высказывания француза Локара¹⁰ о том, что «каждый контакт оставляет след». В зале тут же поинтересовались сословием Локара. С задних рядов недоверчиво уточнили, не из буржуазии ли, а может, и вовсе какой-нибудь граф? Эти предположения я отмел, убежденно ответив, что он, несомненно, поддерживал французскую революцию. Кто знает, может, так оно и было. Ответом слушатели удовлетворились.

Самое важное – убедить их соблюдать правила осмотра места происшествия. Чтобы объяснить важность этого, привел пример недавнего выезда, где милицейская телега и сапоги агентов полностью уничтожили следы шин мотора, на котором к кассе подъехали бандиты. А ведь всего-то нужно устроить ящик над ними, корыто или доску, положенную на кирпичи. Мой энтузиазм, однако, одобрения не встречает. Аудитория шумит, выкрикивает:

---

¹⁰ Эдмон Локар, пионер судебной медицины, известный как «французский Шерлок Холмс».

– Да что там крыть? Крыть и нечем, наши слева, ваших нет. Хоть накрывай, хоть что, все одно...

– Да уж понятно и без следов, куда они вывезли, – в зале смех.

– На старбазаре посмотреть, найдется!

Завладеть вниманием мне удастся при описании бертильонажа и словесного портрета. За исключением нескольких пустых вопросов, слушают внимательно, кое-кто даже записывает. И возможно, даже мои слова. Но на описании методов фиксации «определенных неизменяемых телесных особенностей» – а именно примет преступника – снова осечка.

– Так эти приметы никак невозможно зафиксировать, – под общий хохот. – А потому бегают шибко, не рассмотреть.

Лучше дело пошло, когда добрались до пальцевых отпечатков. Прямо застыли, особенно заинтересовавшись методами снятия отпечатков на пригодных поверхностях – полированном гладком дереве и стеклянной посуде. Увлечшись темой, я вдруг понял, что почти пересказал в деталях рассказ «Убийство на улице Морг».

– А если, к примеру, нету пальцев? – это поднялся с места Репин.

– В этом случае обозначаются нулем.

– А если, допустим, покоцан палец? Ну, травма.

– Отпечаток в карточке обозначают знаком вопроса.

Развить тему не удастся. В зал заглянул тот самый старший агент Куц.

– Лекция окончена, доктор нужен на происшествии.

Пока все расходились, он коротко рассказал, в чем дело.

– В порту полыхнуло, вы уже знаете. Сгорел пассажирский пароход. Пожар начался рядом с портом. Остатки парохода оттащат буксиром поближе к берегу. На палубе была перестрелка, погиб наш сотрудник. Накануне сообщили, что бандиты следят за инкассаторами банка. Крупную сумму перевозили из Ростова в Таганрог.

– Дензнаки для выдачи зарплаты рабочим?

– И не только.

Видимо, еще и для обмена. Продолжается денежная реформа. Перевозят в банки купюры нового образца.

– В общем, сумма выходила внушительная. Инкассаторов, конечно, охраняли. Пальба на пароходе началась по непонятной причине. Кто стрелял первым и почему занервничали бандиты, – не ясно.

– Описание есть?

– Да, я вам дам.

– Пострадавшие?

– Развозят по ближайшим лечебницам. Из тех, кто прыгнул в воду, чтобы не сгореть, не все добрались до берега. Тела погибших, которых удалось найти, везут сюда. Осведомителя важно опознать. Может, и на два фронта работал. И поэтому перестрелка, – Куц махнул рукой. – В порту сейчас полная неразбериха. Вам понадобится помощь?

– Не помешает.

– Вот товарищ Репин интересовался вашей лекцией, – я скажу, чтобы он вам помог.

Так Репин своими толковыми вопросами вырыл себе яму. Его временно прикрепили к «консультантскому отделу».

Подвал

Вера Леонтьевна Шарф подчинялась обстоятельствам. В такое учреждение, как Донская народная милиция, женщине в ее ситуации и положении лучше бы не обращаться. Но выхода не было. Не приди она сюда сейчас, пожалуй, могли бы быть последствия. Это словечко любил Верин отец, присяжный поверенный. Последствия рисовались самые неприятные. Однако говорить и действовать нужно с умом, аккуратно. При входе водоворот людей подхватил Веру и вынес сразу куда было нужно, напрямик на товарища из «новых». В лаковых узких ботинках и физиономия шулерская. В прошлые времена, вздохнула про себя Вера, такой тип вызвал бы сомнения. А в эти, новые, убеждал, что человек умеет устроиться, деловой и энергичный. Типу в лаковых она коротко объяснила свое дело. Он, конечно, сразу же попытался от Веры Леонтьевны отмахнуться, но она умела быть настойчивой. Он привел ее к молодому доктору, и это подошло даже еще лучше...

Подвал в бывшем особняке, где разместили прозекторскую, любой легко отыщет по запаху. Тут не нужен нюх служебно-разыскной собаки с замысловатой кличкой Элен Хаус Апольд. В стены за короткое время намертво въелся запах креолина, жидкости Малинина и персидского порошка для дезинфекции. Помещение в особняке найти было непросто. На первое время прозекторскую устроили в подвальном этаже – окна на уровне тротуара. Раньше здесь, наверное, была кухня, а может, и складские помещения. Уже несколько раз ставился вопрос о выделении нам отдельного здания, но пока он так и оставался без ответа.

Работая здесь, я частенько вспоминал великолепно освещенные залы медицинского факультета. Там, где мертвые учат живых, как гласила надпись при входе в университетскую анатомичку. Эхо голоса профессора, звучащего под сводами зала гулко, как в театре. Сейчас не было ни высоких потолков, ни широких окон. Но устроено все толково. Места много. Откуда-то, из Николаевской или Еврейской больницы, притащили столы в лохмах облезающей серой краски и кое-что еще нужное. Со стены, прямо напротив двери, на входящих смотрели скорбные лебединые глаза врубелевской царевны. Довольно хорошую репродукцию в раме разыскал на куче в углу и пристроил на стену Самсон Сидорня. Я не возражал, эффектная царевна не портила голых стен. В пару к ней прицепили снимок, вырезанный из газеты, – митинг в Москве.

Сидорня помогал мне с телами и личными вещами погибших. На трупы набросили все, что сумели найти, – где простыни, а где – рогожу от мешков. Я достал старую сумку с инструментами. Как только основательно намылил руки – толкнули дверь, послышался голос:

– Вот, тут... товарищ, он вам все скажет, гражданка.

Я выглянул и увидел растерянную даму средних лет, а посмотрев вверх, успел заметить на лестнице блеск лаковых штиблет. Тот, кто привел гражданку, сразу ушел. Задержавшись только, чтобы крикнуть, перегнувшись через перила:

– Из пострадавших, к тебе там!

– Я не из пострадавших.

Дама представилась Верой Леонтьевной Шарф. Рассказала, что на пароходе может быть ее молоденькая родственница.

Я все еще держал мокрые руки на весу. Попросил ее погодить минуту. Наверху нарастал шум голосов.

– Значит, ваша родственница, как ее имя?

– Агнесса, Агнесса Нанберг – по мужу.

– Значит, она была на сгоревшем пароходе, верно?

– Я не уверена. Дело в том, что я регулярно беру в станицах свежие яйца, творог. Сейчас можно все купить. Но все-таки в станицах продукты лучше.

Шум на лестнице стал громче, и она заговорила быстрее:

– Я была в отъезде и вот, вернулась, а Нессы, Агнессы, нет дома.

Я рассмотрел ее. Слишком высокая для женщины, почти моего роста, темноволосая. Живые беспокойные карие глаза с желтоватыми склерами – не в порядке почки. Без пальто, в шляпке и меховой жилетке, видно, что одевалась второпях.

– Агнесса на самом деле собиралась в Таганрог, она хотела посмотреть кое-какие вещи. Мне кажется, она взяла довольно крупную сумму денег.

– Понятно. Раз вы родственница, нужно оставить у дежурного заявление и адрес. И можете описать ее поточнее?

На этих словах женщина побледнела, прислонилась к стене.

– Не волнуйтесь. Это просто процедура, раз уж вы здесь.

Шум на лестнице все усиливался. Видимо, прибывают родственники, и дежурный отправляет их прямо сюда. Я крикнул Сидорне, что в коридоре нужны стулья. Тот спросил, где их взять.

– Ну хоть что-то поставьте!

– Вот. Я принесла. – Дама рылась в бархатной сумке.

Фото прямо в раме – овальной, серебряной. Торопилась, не вынула, неудобно. На фото молодая женщина, рядом сама Вера Леонтьевна и еще кто-то в военной форме. Я рассмотрел декорации ателее, колонны и драпировки. Вера Леонтьевна достала второе фото, покрупнее – явно взятое из альбома, край чуть загнулся.

– Вот здесь лучше видно. Агнесса тогда готовилась на сцену поступать. Вот.

Подняв руки к лицу, у стола с книгой и розой. Крупные черты, брови не по моде, улыбка и в глазах и на губах, по всей видимости, блондинка – черты лица не тонкие, широковатый нос.

– Она блондинка? Какого роста?

– Пепельная блондинка, абсолютно свои волосы, никакого шиньона... А рост, – она задумалась. – Ниже меня – это точно.

– У нее есть какие-то приметы? Может, были травмы, переломы, может, остались шрамы?

– У Агнессы есть примета – у нее кривой мизинчик на руке, она его стесняется. Не снимает перчаток. Кажется, неудачно упала в детстве с дачных качелей... Я точно не помню.

– А вещи ее можете описать? Во что она была одета?

– Может, в пальто с меховой горжеткой? Она часто его носит. Мех – куница. Я не нашла в доме саквояж, очень удобный, знаете, такой небольшой. Скажите, но ее ведь здесь... нет? – женщина невольно заглядывает за мою спину, я загораживаю дверь. – Я думаю, она, конечно, уже дома. Вы ведь... Среди них есть?

– Вера?..

– Леонтьевна. Просто Вера.

– Вера Леонтьевна, вам не нужно волноваться, – я поразмыслил, что ей сказать, чтобы не вздумала прямо тут лишиться чувств. – Вы поезжайте сейчас домой. Вот только на случай, просто для порядка, оставьте мне ее фотокарточку.

– Да, конечно.

Она смущенно – «простите» – принялась вынимать карточку из рамки. Но заколебалась. Сидорня хмыкнул.

– Поймите, это не мои, вот, может, эту карточку Агнессы, для сцены.

Фото я взял. Положил на стол к остальным вещам. Следом за встревоженной Верой Леонтьевой подступили еще люди. Самсон притащил для родственников длинную лавку. Ухая от усилий, складно и быстро помог мне передвинуть столы. Карточку блондинки Агнессы я положил к вещам, привезенным с парохода. Осмотрел, среди них никакого коврового саквояжа. Необходим был помощник, чтобы вести протокол исследования. Так предписывали старые правила, но теперь протокол был моей инициативой. Былой порядок действий судебных врачей

отменили, в первые годы новой власти приговор выносили в соответствии, как говорилось, с революционной справедливостью, без лишних бумажек. Недавно комиссия Наркомздрава все-таки взялась навести порядок и издала ворох циркуляров, которые определяли структуру экспертизы на местах. Но на деле, как туманно писали в отчетах, «судебно-медицинская экспертиза строилась на местах разнообразно». Это значило, что отчетность по ней почти не велась, применялись то старые законоположения, то новые формы.

Вести протокол я усадил товарища Репина. У него оказался довольно разборчивый округлый ученический почерк. Он подтянул рукава гимнастерки, поправил свою дикую шапку и смущенно пояснил, тыкая в буквы:

– Регент учил.

Писал Репин не быстро, но старательно – повернув к бумаге правый, здоровый глаз и наклоняя голову, как воробей, скачущий за мухой.

– Василий, а как вас по отчеству?

– Васильевич, – буркнул он. – К чему нам это отчество? Сейчас мы без этого всего, по делу надо быстро говорить. Вот, к примеру, я вас зову товарищ Лисица.

– Лучше просто Егор.

– Меня можете звать товарищ... Вася тоже можете.

Помявшись, спросил, когда я мертвых режу, не страшно? И любопытно ему посмотреть.

– Вы же на фронте были?

– Я при пулемете там. Ничего не рассматриваешь, не до того. Уж мы людей-то так резали, бывает, припомню, так как будто приснилось. Тут другое. Лаборатория! – он четко выговорил длинное слово без ошибки.

Опознать обгоревший труп, пожалуй, одна из самых непростых задач. Нужно провести полное секционное исследование тела, микроскопическое – кожных покровов. Установить травмы при обгорании сложно, их уничтожает огонь. Тело человека – хрупкое, пепел к пеплу. Пламя съедает все следы. Особенно сложно установить, сгорел человек или погиб еще до пожара. Ровное обгорание ресниц обоих глаз, если ресницы не уничтожены огнем полностью, встречается одинаково часто при посмертном и прижизненном воздействии пламени. Очевидный признак смерти от огня – «поза боксера», мышцы спины уплотняются, тело выгибается как лук.

Хотя открытые части тела сильно обгорели, удалось установить, что один из милиционеров погиб в перестрелке. Две пули были выпущены из одного оружия. Работали допоздна. Двигалось тяжело. Свидетели плохо видели в дыму. Их показания сильно разнились. Даже количество пассажиров можно было узнать лишь приблизительно. Были данные по купленным билетам, но явно не точные. Билетный контроль в порту слабый. Не все покупают в кассе. Важнейшим делом было опознать тело, сильно покалеченное гребными колесами. Собственно, от него осталась только рука. Здесь я воспользовался подсказками из дела Гуффе (его вела французская полиция). Рука определенно мужская. Была сломана, но при жизни, явно давно. Определил рост по параметрам кости. Сохранился фрагмент татуировки – два флага и корона. Ее я помнил. Быть изрубленным винтом – страшная смерть, пусть даже погибший был бандитом и осведомителем. Я подписал протокол исследования.

В первом часу ночи мне принесли кипу новых бумаг и пришлось прерваться, перед глазами уже ходили желтые круги. Мы что-то ели в перерыве. Молчаливый Самсон Сидорня развернул газетку – лук, картошка, сваренная целиком, вареный сахар, как леденцы. Сидорня любит поесть – прямо с физическим наслаждением из каждой поры тела. Когда перекусить нечем, шумно пьет чай вприкуску с рассказами о ресторане при гостинице, в которой он служил швейцаром. Практичный и запасливый, но не жадный, он, порывшись, достал еще и хлеб. Я наконец вспомнил о масле – пригодилось макать картошку и хлеб с солью. Дважды я выходил на улицу проветрить голову и умыться у колонки на углу. Когда вернулся второй раз, то

режущий свет желтой лампы под потолком был уже не нужен, небо посветлело. Мои помощники давно отправились домой, а я подумал, что уходить уже поздно, и заснул, сдвинув обитые скользким колленкором стулья. Несколько тел из заявленных так и не нашли, не было среди погибших и молодой женщины.

Совещание-летучка

Утром в подвал заглянул Зыкин, тот самый, что направил ко мне эту растерянную гражданку – Веру, Шарф, кажется.

– Совещание у руководства.

Зыкин крутился у стола. Картинно стянул кепку над телом застреленного милиционера. Мы вышли, не дожидаясь его. Перед самой дверью кабинета начальника розыска Репин приосанился, вытащил из карманов руки и вытянул их строго по швам. Одернул пояс. Начальник был его кумиром. Он тоже пришел в народную милицию прямо с фронта. Новый отдел уголовного розыска народной милиции «не получил признания среди масс», а уж среди уголовников и подавно. Но авторитет его начальника среди подчиненных непререкаем. Даже замотанный дежурный тянется во фронт, едва завидя его фигуру в дверях.

На совещании говорили о пожаре и перестрелке на пароходе «Советская республика». Я, как и все, знал о банде Ваньки Медика. За ней числился ряд преступлений. Крупное ограбление квартиры фальшивомонетчиков в Нахичевани, где взяли полмешка денег. Вооруженные налеты на постоялый двор по Таганрогскому проспекту. Молва рассказывала о главаре банды чуть не легенды. Якобы, удирая от погони на пролетке, он бросал в толпу на улице пачки дензнаков. Но на деле садист и убийца Медик действовал просто и безжалостно. Родился в семье мещанина, сначала был рассыльным в лавке, позже пробовал работать грузчиком на складе Дноблсоюза. Тяжелый труд быстро ему надоел. Искушений оказалось много. Впервые он убил в 19 лет, за кусок мыла. После скрывался на дачах в Нахичевани и на острове посреди Дона. Собрал вокруг себя разного сорта подонков. Из последних нападений – банда остановила в степи скорый поезд «Москва – Тифлис». Пассажиров дочиста обобрали и избили.

Ликвидировать банду пытались давно. Но подступиться к ней было крайне сложно. При малейшем подозрении главарь легко расправлялся и со своими. Звериным чутьем почуяв неладное, застрелил содержательницу столовой, где часто отдыхали бандиты, – Софию Гофман. Та была известна как ростовская «Сонька Золотая Ручка» (не та, что в Одессе). С большим трудом удалось взять показания у свидетеля, на глазах которого Медик убил его мать. Через пару дней труп свидетеля нашли в Софийской роще. Но сила точит и не такие крепкие камни! Когда недавно стало известно, что бандиты следят за инкассаторами Государственного банка, к тем тут же приставили четырех сотрудников Дон-УГРО. На пароходе завязалась перестрелка, вспыхнул пожар.

– Присоединяйтесь, товарищ доктор. Выскажите про стукача, точно ли его тело?

Я коротко отчитался, что, несомненно, фрагменты тела принадлежат осведомителю. В такие моменты я видел важность своей работы именно как судебного врача. И ее начинали понимать остальные.

– Хорошо. Есть небольшая зацепка. Ищем афериста Натана Херсонского. Он вроде как играл в карты в каком-то салоне. Так хвастал в портерной, что выиграл там карманные швейцарские часы и портсигар. По описанию похожи на вещи с ограблений банды Медика.

Перешли к другим делам. Список был привычным: ограблен склад готового платья, налет на частную квартиру, хозяева убиты. Самогон. Слушали – решили по возможности усилить охрану важных городских объектов, провести ряд целевых облав. Тоже ничего неожиданного, обыденно до зевоты.

Стоило бы пойти домой и поспать, но, кроме совещания, оставалось еще одно неизбежное зло – отчет. Уже при подходе к комнате машинисток слышен звук пишмашинок, как стук дождя по жести. Машинистки, пожалуй, самые опытные в народной милиции кадры. Их набирают из бывших служащих торговых компаний, портовых контор. Выделено им просторное помещение, высокое окно в нем до середины тщательно протерто, выше в пыли, скрученная

портьера заткнута за карниз. Красный бархат растаскали на флаги, а тут цвет не подошел, уцелела. На стене надпись: «Будьте культурны, плюйте в урны!» На надпись, надо сказать, тоже плевали. Чисто только рядом со столом у самого окна. Это лучшее место, тут сидит машинистка Карелина Анна. Печатает десятку пальцам, успевая управляться с пометками и печатями. Руки красивые, сильные, сама грузная, рот обведен темной помадой. Соседний стол, на котором стоит потрепанная пишмашинка с криво сидящей кареткой, обычно занимают сотрудники угро. Там тыкает одним пальцем, шевеля губами, перечитывает протокол задержания агент Зыкин. Машинопись ему не дается. Бросает это дело, выматерившись, и натывается на взгляд Карелиной, дернувшей каретку с угрожающим звоном.

– Я интересуюсь, что гражданка там. Нашла дочку свою?

Его лаковые штиблеты я видел на лестнице. Он привел эту женщину, родственницу пропавшей, Веру. «Дочка» – это, видимо, пропавшая Агнесса. А интерес его известен и прост – сильно охоч товарищ Зыкин до тех мероприятий, в которых возможно получить осязаемый куш, пристраивая за подношения дела потерпевших и их родственников.

– Того результата, на который вы надеетесь, все равно не будет. Денег не обещают.

– Да что же, я не про деньги. Зря вы так, доктор. Ниже моих принципов.

– Выше.

– Что?

– Не важно, как там наш задержанный?

– Это какой? Упырь-то? Тихо. Сидит и выпить не просит, – Зыкин устроился поудобнее на стуле и подергал пятку ботинка. Пояснил в ответ на мой взгляд: – Натирают, заразы.

С Зыкиным у меня странное сотрудничество. С ним вообще работать не любят. Ненадежный тип. Одновременно хитер и туповат, а может, хорошо прикидывается. Однако вот буквально накануне он без споров пошел со мной брать кладбищенского вора в трущобах стеклянного городка. Вот уж по-настоящему крепкий желудок. Кого угодно стало бы мутить от зрелища жилища психопата. Белые голые нелепые тела, которые тот воровал в морге, лежали в низкой сырой комнате среди тряпья и каких-то грязных склянок. Расстройство психики, мания влечения к мертвым телам, о которой в своих работах писал криминалист и психиатр немец фон Эбинг. Маниак оказался безвредным психбольным, просто несчастным помешанным и даже не дернулся. Повезло, Зыкин лишен воображения, только сплюнул и закурил, чтобы «вонь отбить», как он выразился. Практичный на зависть, как напарник он пришелся очень кстати. После этого частенько крутится в прозекторской, иногда помогая. Своим чутьем на выгоду он, кажется, унюхал какие-то профиты, другим не очевидные. «Навар» с родственников или дармовой спирт, который надеялся получать. Спирт мне на самом деле выделяют, для смывов при обнаружении следов пороха на руках и одежде, но, к огорчению Зыкина, строго по ведомости.

Брюнет, бритый до синева, волосы он зализывает на манер жиголо, смазывая чем-то едким. В общем красивое, но рябоватое лицо и – отличная примета для арестантской карточки – маленькие сломанные уши. Любит со вкусом рассказывать, что в молодости он «упал на уголовное дно», но ему удалось «вырваться из его страшных объятий». По его словам, во время революции 1905 года он командовал десятком на баррикадах Темерника. Когда пыль, поднятая ветром свободы, немного осела, осмотрелся и пришел в милицию. Здесь открылся его необыкновенный талант к обыскам. Чутье у него феноменальное. А поднаторел он на самочинках – обысках и изъятиях имущества без всякой санкции. Зыкин мог стать персонажем популярного анекдота о том, как на внезапный ночной звонок в квартиру нэпмана некие голоса успокаивают его из-за двери: «Да вы не бойтесь: мы не с обыском – мы грабить пришли». От грабежа самочинка отличалась тем, что проводили ее все же представители власти, иногда предъявляя гражданам бумаги с печатями, кои давали понять, что изъятые ценности пойдут на благо Советского государства. В свою очередь, граждане давно виртуозно наловчились пря-

тать ценности. Камни закладывали в каблуки туфель. Зашивали в детские игрушки. Кольца опускали на дно банки с помадой или чернильницы – заливали парафином для сохранности и сверху уж чернила. Жители одного из дворов как могли протестовали против засыпания хлорки в сортир, для дезинфекции – обнаружилось, что спустили на веревке в сортир деньги и письма... Сейчас, наконец, самочинки не поощряются. Зыкина это огорчает, но не смущает. На одном из происшествий он, не стесняясь других агентов и потерпевших, вынул из книжного шкафа потертые томики:

– А сколько они могут стоять – ты вот читаешь, знаешь?

Когда же в другой раз ко мне подошла заплаканная родственница самоубийцы и показала расписку от Зыкина об изъятии часов и кольца покойного, я не сдержался. Зыкин вяло отбrehивался, что изъят «по нужде, в интересах следствия», что-то плел о том, что «теперь не старый режим». В подъезде, прижав его к кованой решетке лифтовой шахты, я, стараясь четко выговаривать каждое слово, рассказал ему о некоторых анатомических подробностях, мгновенно позволяющих лишить человека здоровья при помощи такого пустяка, как вот этот химический карандаш. Черт его знает, чему он там поверил из сказанной мной чуши. Но, по счастью, на площадке кто-то начал вращать ключ в замочной скважине. Зыкин поднырнул мне под руку, толкнул плечом и юркнул на улицу. На другой день он вел себя как ни в чем не бывало и даже вполне по-дружески. Бывают же люди, плюют в глаза, скажет – роса.

Зыкин достает папиросы, угощает. Табак я узнал, он из вещей убитого милиционера. Подогнул пачку, пока крутился в морге. От папиросы я отказался. Подождал, пока Карелина отдала мне бумаги. Одна польза от этого проныры Зыкина все же была. Напомнил, что нужно бы сообщить Вере Леонтьевне Шарф, что ее родственницы Агнессы среди тел погибших нет. Но дежурный сказал мне, что адрес ему не оставляли. Потом был выезд на ограбление магазина, потом еще что-то, и о фотографии в моем столе я почти забыл.

Город

Через пару дней после пожара в порту погода сделала кульбит наподобие того, как голуби кувыркаются в воздухе. Стало так тепло, что шинель пришлось нести в руке. Запах листьев, костров. Птицы в небе кричат. Вылинявшее небо чистое. Пахнет водой, сыростью. В это время Дон не виден из-за тумана, только угадываешь, что плотное тело реки ворочается рядом, внизу улиц. Мокрые флажки – уцелевшие листья на тополе – хлопали под ветром. Я немного постоял, закрыв глаза. Наверное, я даже задремал, потому что внезапно кто-то громко всхрипнул мне прямо в ухо и мокрой губкой полез за шею. Смирная милицейская кобыла Кукла, видно, решила, что я остановился, чтобы угостить ее хлебом, и, устав ждать, напомнила мне о себе. Губкой-носом она основательно прошлась мне по затылку, а теперь фыркала, ожидая угощение за кобыльи нежности, выданные авансом. Но хлеба у меня не было.

– До шаашнадцати лет не гууляла... – петушиный хриплый фальцет вывел песню о Коломбине, которая нашла себе друга.

– Живей давай. Да не граммофонь ты, спят люди кругом.

Во двор вводили забулдыг.

– Мойщики, на вокзале взяли!¹¹

Кукла тут же отпрянула. Она была деликатной кобылой, хоть и при такой службе. Судьба Коломбины в песне складывалась неудачно, на пронзительном куплете про молодое тело в крови я уже сворачивал за угол. Нужно было успеть домой переодеться, побриться. Ночь совершенно очевидно кончалась. Почти бесцветные в тумане дома выступали навстречу внезапно, пустые улицы казались очень широкими. Не было привычного звука – метлы, скребущей тротуар, кучи мертвых листьев гнили вдоль бордюров. У колонки гремели ведра. Наклонившись к воде, чтобы умыться, я сделал на редкость неудачное движение рукой, плечо сразу заныло. Несильная тупая боль напомнила мне о событиях в Новороссийске, больше года назад¹².

Я шел не торопясь. Туман у реки рассеивался. Гремели телеги, кричали галки, и я вспоминал, как жил тогда, сразу по возвращении в Ростов из Новороссийского порта. Гиппокамп. Часть лимбической системы мозга. Он связан с памятью, хотя механизм его работы неясен. По-гречески гиппокамп – это морской конек, и при любом намеке этот «конек» ныряет в волны моих воспоминаний. Это странно, ведь память – мой изъян. Точнее, способность запоминать лица. Иногда вместо физиономии случайного знакомого мне виделось просто стертое пятно. А вот запомнить статью, книгу или маршрут городских улиц я вполне могу. С детства я тренирую память на мелочи – детали костюма, походки, тембр голоса. Я прочел, что опыты доказали – слабой памяти необходима постоянная механическая тренировка, к примеру заучивание стихов. И с тех пор твердил наизусть все попавшиеся на глаза рифмованные строчки вплоть до самых нелепых коммерческих реклам – «Не забывайте никогда: наверху причина зла, снизу исцеление. Пилули для пищеварения Скавулин, без вкуса, без запаха!» Дневниковые записи и карандашные наброски и мест, и людей я завел для того, чтобы сшить куски воспоминаний покрепче. В результате мне удалось развить способность запоминать детали местности или приметы человека до фотографической точности. А вот те дни в Новороссийске, все случившееся тогда, я предпочел бы начисто выкинуть из памяти. Но если в утреннем солнце случается выхватить взглядом в толпе спину плотной фигуры в сером, то по глазам бьет картинка – воспоминание: вот я пытаюсь пробиться к сходням парохода сквозь толпу, а фигура в сером уходит. Уходит...

---

¹¹ Мойщики – вокзальные воры.

¹² Читайте об этом в романе Лизы Лосевой «Черный чемоданчик Егора Лисицы».

История моя, в общем, простая. Студентом я помогал полиции как медик. Мечтал стать судебным врачом, криминалистом. Потом революция, Гражданская. Мое участие в походе. И сокрушительная неудача. Может, лучше было бы мне никогда не приезжать в Ростов? Этот чужой, жаркий город. Я попал сюда студентом – Варшавский университет эвакуировали в этот город, когда началась германская. Отец был биологом, участником нескольких экспедиций врачей во время эпидемий. В одной из таких поездок он заразился, крошечная злая бактерия вида *Vibrio cholerae*, а по-русски холера, убила его за сутки. Мать совершенно очевидно не смогла это пережить. В сентиментальном романе сказали бы, что она умерла от тоски, от разбитого сердца. Но я думаю, у нее действительно были проблемы с сердцем медицинского характера. Она часто жаловалась на боли в груди. При этом абсолютно не щадила себя, давая волю темпераменту. В молодости она была удивительной красавицей, помню обрывки семейных разговоров, что из-за нее кто-то стрелялся, а может, и наоборот – она стреляла из ревности? Я бы не удивился. Довольно высокая, стройная, со строгой спиной и белыми руками прекрасной формы – она до самой смерти была все еще очень красива, тревоги за отца состарили ее совсем немного. Мои студенческие товарищи, зайдя к нам, часто забывали, какое у них ко мне было дело, если она сама встречала их. Полячка, из старого, давно обнищавшего, но известного рода Собиславичей. На цепочке на груди вместе с маленькими золотыми часами – подарком отца – она, не снимая, носила старомодное кольцо с красноватым камнем и полустертой резьбой. То небольшое, что осталось от мифических польских сокровищ. Резьба со временем стерлась совсем, потом и кольцо куда-то пропало, как и почти все, что принадлежало матери. От нее мне достались только светлые, как незрелые сливы, глаза, горбатый нос, вспыльчивость и резкость характера. Во мне сидел все тот же злой огонь. И сколько раз мне пришлось пожалеть о том, что я ему поддался! Поразительно, что свое пламя мать направила на отца. Основательного, аккуратного, такого же прямого и бесхитростного, как его широкий подбородок и усы щеточкой. Мир изучаемых им бактерий, невидимый другим, был для него несомненно важнее любых людей и событий. И это сводило маму с ума. Думаю, если бы она каким-то чудом смогла разглядеть и сокрушить этот микроскопический мирок, который поглощал внимание отца, то, как древняя богиня, рассеяла бы его одним ударом. Со мной они оба были всегда равнодушно ласковы. В детстве меня часто приводили в кабинет отца, и я, скучая, следил, как солнечный блик от предметных стекол в его руках мечется по потолку. Повод поговорить со мной дольше часа он нашел только когда узнал, что я выбрал будущей специальностью медицину.

После их смерти у меня осталась тетка в Кисловодске, старшая сестра отца. Она никогда не понимала характера матери, их странного союза и так и не сошлась с ней по-родственному близко. Но она любила брата и племянника – меня. Я скучал по ней, хотя виделись мы редко. Чуждая сентиментальности тетка была убеждена, что чистая рубашка как проявление заботы гораздо важнее слов. Вместо писем с расспросами о здоровье, как это водится между племянниками и тетками, она регулярно присылала мне различные статьи о пользе обливания холодной водой и все рецепты обедов брала из поваренной книги общества вегетарианцев. А в свободные часы проходила километры по холмам, с удобной палкой, считая это наилучшим отдыхом. После смерти родителей она умело распорядилась их небольшим наследством, ежемесячно отправляя мне сумму, достаточную, чтобы покупать книги, обедать и снимать комнату.

Из университета меня вскоре отчислили за «поведение», дерзость ректору. Но эта неудача, оказалось, привела меня ближе к мечте. Как добровольный помощник я участвовал в расследованиях местной полиции. Подрабатывал переводами, корректурой. И хотя приходилось мазать чернилами дыры на ботинках, а на ужин брать «студенческий бифштекс» – чайную колбасу, – я был абсолютно счастлив. И так молод, самонадеян и увлечен, что не заметил, как война и новый мир вплотную придвинулись к югу, к Ростову. В город день за днем прибывали беженцы из столицы, Москвы, всей России. На улицах в ожидании конца всему шла

лихорадочная жизнь. Столичные примы давали концерты под аккомпанемент боев на окраинах. Власть менялась вместе с месяцем. И вот накануне того дня, когда Добровольческая армия окончательно покинула Ростов, меня вызвали во временный штаб армии к мертвецу. И вышло так, что это сначала привело меня к делам, о которых я знать не хотел, а уже после я оказался вместе с отступающими военными и беженцами на пути в Новороссийск. Там я поддержал обвинение против невиновного. И слишком поздно определил истинного убийцу. С тех самых пор я не любил казачьих присказок. Стоило услышать такую, как я вспоминал о человеке, которого бросил запертым в комендатуре.

Тогда Добровольческая армия подошла к Новороссийску – как к краю. За спиной осталось только море. Да и Новороссийск тех дней был не городом, а скорее, военным лагерем. Улицы его были переполнены солдатами, казаками, беженцами, аферистами и дезертирами. На пристанях волны людей бились о сходни пароходов. Выстрелы, крики, ржание лошадей. Жар, дым и вонь горящей нефти несло в порт. В городе полыхали пожары – снаряды армии большевиков, обстреливающих порт, взрывали цистерны. В дыму тонули мертвые трубы цементного завода и далеко выступающий в море мол. Помню, как мимо меня промаршировал отряд военных. В голове колонны мелькал на пике полковой значок. На самом краю мола солдаты остановились, соблюдая безупречный порядок. В ожидании помощи? Смерти? Мол быстро заволокло дымом, в котором пропали и они.

Стало окончательно ясно, что порт занят отрядами Красной армии. Но я все еще пытался исправить свою ошибку. Спешил успеть выпустить из комендатуры невиновного. От бега вверх, вверх по узким улицам било в ушах сердце. Но я опоздал. Увидел только выбитые двери и как разворачивали телегу с прикрытым пулеметным оружием. Потом было не до рассматриваний, пришлось петлять как зайцу. Бурому, заметному на снегу – выбеленной светом улице. Потом я вправлял вывихнутое в драке плечо в каком-то проходном дворе. Над головой хлопнуло окно в галерее – голова спряталась раньше, чем я успел крикнуть, чтобы не высовывались. Походная фляга пригодилась, чтобы зафиксировать. Ее удалось перетянуть ремнем, помогая зубами. Но в спешке я сделал все небрежно. Тогда, наверное, начался воспалительный процесс в суставе. С лихорадкой и жаром я несколько дней, а может, часов просидел, не прячась, во дворе дома, где нас определили на постой. Не знал, куда идти, голова горела. Смутно помню, как поднимался на этаж в квартиру, чтобы взять вещи. На стук и звонки никто не отозвался. Кое-что из нашего багажа, свернутое в узел из старой шинели, лежало у запертой двери. Раз я нашел на ступенях парадной хлеб в салфетке, кусок колотого сахара. Но жильцы не появлялись, все ставни были накрепко заперты, и я так и не узнал, кого благодарить за этот подарок.

В Ростов я добирался долго. Поезда появлялись на станции без расписания. Вагоны брали штурмом. Билетов ни у кого не было, счастливицы махали какими-то липовыми разрешениями. Пассажиры сидели прямо на полу. Те, кому повезло меньше, устраивались на сцепке между вагонами, лезли на крыши. Объединенные общим неустройством смотрели за узлами и не расспрашивали попутчиков. На станциях иногда можно было достать кипятка, за ним бегали по очереди и криком предупреждали остальных о проверке – тогда все бросались врассыпную под вагоны. Запахи немытых тел, мазута, нагретых рельсов... Мерная тряска усыпляла, но спать всерьез было нельзя, свалишься. Крепко обняв, как красивую женщину, грязную сцепку, я думал, что, может, и лучше не сходить с этого поезда, ничего не решать, не предпринимать?

Но и это бесконечное путешествие оборвалось внезапно. На станции я вдруг очнулся от того, что в лицо бил свет фонаря. Я мог попытаться удрать, но не стал. Бегать надоело. У меня не было при себе никаких документов, ничего, кроме чужой свернутой шинели. Я не мог вспомнить, срезаны ли на ней погоны. Могли, конечно, и задуматься, отчего это сверток такой тяжелый? Но, на счастье, мой грязный узел смотреть не стали. Под арестом я просидел недолго. Рассказал, что еду в Ростов к родным, документы и деньги в дороге украли – не редкость. На

меня нашло то настроение, которое я хорошо знал. Полное безразличие и злость. Желание скорее со всем покончить. Если бы меня подробнее расспросили, я бы рассказал все. О деньгах атамана, убийстве в туннеле и других, моей истинной роли в нашей «компании друзей», отряде, созданном ЛК¹³

---

¹³ Читайте об этом в романе Лизы Лосевой «Черный чемоданчик Егора Лисицы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.